

ФИЛОСОФИЯ И НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ

Д.Э. Гаспарян

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ БЕЗ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО СУБЪЕКТА: НЕЙРОФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ЭНАКТИВИЗМ В ПОИСКАХ ПЕРСПЕКТИВЫ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА*

Гаспарян Диана Эдиковна – кандидат философских наук, доцент, PhD. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101001, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: anaid6@yandex.ru

В статье обсуждается один из самых бурно развивающихся проектов современной философии, а именно проект интеграции феноменологии и натурализма. Выделяется центральная тема, по которой происходит сближение двух подходов – перспектива от первого лица. Автор статьи рассматривает два ключевых направления: нейрофеноменологию (Ф. Варела) и энактивизм (Ш. Галлагер), на примере которых показывает возможности включения в программы натурализма перспективы от первого лица, а также анализирует, в какой степени методология интегративных проектов опирается на классическую феноменологию Э. Гуссерля, а в какой степени следует представлению о феноменальном, принятом в современной аналитической философии сознания. В частности, в статье указывается на непроясненность в использовании естественной и трансцендентальной установок, трудности интерпретации «внешнего» и «внутреннего», двусмысленность дедуцирования тела из «опыта телесного» и пр. Особое внимание уделяется идее трансцендентальной необъективируемости перспективы от первого лица, а также мотиву ненаблюдаемости первого лица в мире.

Ключевые слова: феноменология, нейрофеноменология, энактивизм, трансцендентализм, философия сознания, когнитивные науки, субъект, перспектива от первого лица

Для цитирования: Гаспарян Д.Э. Феноменология без трансцендентального субъекта: нейрофеноменология и энактивизм в поисках перспективы от первого лица // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 1. С. 80–96.

1. Введение

Закономерным итогом непрекращающихся споров между феноменологией и натурализмом стало окончательное разделение сфер влияния и определение границ компетентности каждого из подходов. Как отметил Том Спэрроу:

* Публикация подготовлена как результат проведения исследования (№ 18–01–003) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2018–2019 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

«Философы англо-американской традиции часто говорят о феноменологии, что «она так же близка к смерти, как и логический позитивизм»¹. В то же время феноменологи продолжают следовать идеям Ф. Гуссерля, полагавшего натуралистическую установку если не ошибочной, то сильно ограниченной, а претензию естественно-научного знания на всеохватность глубоко наивной.

Тем не менее на сегодняшний день все больше набирает силу прямо противоположная тенденция – отчетливо намечается вектор на интеграцию эпистемических ресурсов натурализма и феноменологии². Возникает надежда, что результатом объединения станет устранение нехватки методологических средств, присущей каждому из подходов в отдельности.

Взаимная критика сторон четко обозначила, в чем заключается данная нехватка. Натурализм, согласно феноменологической перспективе, систематически и неизбежно упускает из виду перспективу от первого лица, а именно она является существенной для фиксации ментального. Ментальное в принципе не может быть объективировано в режиме перспективы от третьего лица, т.к. оно всегда переживается неким «Я», неким «мною». Даже если в ходе мысленного эксперимента допустить, что «чужой» ментальный опыт стал для меня наблюдаемым, то этот опыт тут же станет *моим* приватным опытом, который вновь потребует «объективации», в пределе невозможной из самого определения приватного (субъектного) опыта – переживая «чужое» как «свое», я не могу переживать это как чужое (внешнее, а значит, объективированное). Ментальный образ стола, который существует в сознании наблюдателя «1», нельзя сделать таким же объектом для наблюдателя «2», как стоящий перед обоими наблюдателями стол. Таким образом, у феноменологов есть аподиктический аргумент в защиту необъективируемой природы существенно приватного ментального опыта, что указывает на недостаточность программы натурализма как универсальной картины мира.

В свою очередь, претензии натуралистов к феноменологам касаются ограниченности эвристических ходов, доступных феноменологии. Кроме внутренней процедуры дескрипции ментальных актов, феноменология не может предложить ничего другого. В этом смысле вопрос об онтологии мира, в котором существует сознание, всегда выносится феноменологом за скобки и рассмотрению не подлежит. Разумеется, феноменолог может построить онтологическую картину, но она всегда будет изначальным образом учитывать сознание. Задача, в которой сознание нужно индуцировать или дедуцировать из природы, а затем связать с ней, феноменологами никак не решается. Феноменология не пытается ответить на вопрос, как мозговые или иные физические процессы связаны с сознанием или почему ментальное имеет возможность влиять на физическое. Конечно, по большей части упрек в том, что эти задачи не решаются феноменологией, бьет мимо цели. Феноменология вполне осознанно воздерживается от подобных проблематизаций, считая их результатом изначальной ошибки. Речь идет об ошибке упущения радикальной первичности опыта сознания или ошибке смешения языков (натуралистической и феноменологической установок). Однако понять претензии

¹ Sparrow T. The End of Phenomenology: Metaphysics and the New Realism. Edinburgh, 2014. P. 11.

² В литературе можно встретить термин «4E cognition»: embodied, enacted, ecological, extended (cognition).

натуралистов можно, если принять во внимание невысокий прогностический потенциал феноменологии. Может ли феноменолог сделать некий прогноз в отношении возможностей искусственного интеллекта, прокомментировать родство когнитивных способностей у разных живых существ или высказать что-то специфическое в отношении коррелятивной связности состояний мозга с ментальными состояниями? В общем и целом упрек заключается в том, что высказывания феноменолога обладают высокой, если не предельной степенью общности (например, и вопрос о перспективах ИИ, и о корреляции работы нейронов и ментальных состояний являются для феноменолога вопросами, поставленными в пределах изначального опыта сознания) и в этом смысле закрывают любую из подобных дискуссий еще до ее начала³. Ясно, что такого рода вопросы всячески провоцируют феноменолога на то, чтобы покинуть имманентное и дескриптивное измерение анализа сознания и, выйдя за его пределы, поставить незаконный вопрос «о сознании». Но не является ли упорное нежелание феноменолога покидать бастион имманентности сознания препятствием для ведения с ним продуктивных научных дискуссий? По-видимому, является, и несмотря на осознанное размежевание с областью естественно-научного знания, в современном мире, где научных вопросов намного больше, чем философских, указанная интеллектуальная аскеза является скорее недостатком.

Примерно из такой диспозиции возможностей и их ограничений исходит современная феноменология и натурализм. Тогда ясной становится мотивация соединить их друг с другом, по возможности ликвидировав взаимные недостатки через расширение ресурсов методологии.

Целью настоящей статьи является ответ на вопрос, насколько реалистичен этот план. Руководствуясь этой целью, мы вначале рассмотрим варианты проектов интеграции, а затем выскажем свои соображения в отношении феноменологичности их потенциала.

2. Интеграция феноменологии и натурализма – провозглашение программы

Идея сотрудничества между феноменологией и натурализмом была предложена в работе Ф. Варелы, Е. Томсона и Е. Роша «Воплощенный разум»⁴, в которой было предложено консолидировать усилия когнитивных наук с традиционной феноменологией Э. Гуссерля и М. Мерло-Понти⁵. Ключевая идея книги состоит в том, что методологически разделить области, занимающиеся только сознанием (например, философская феноменология) или деятельностью мозга (нейронауки), не представляется возможным.

³ Справедливости ради следует сказать, что уже в феноменологии Мерло-Понти было реализовано обращение к данным эмпирических наук. Собственно, это и служит объяснением тому, что именно его феноменологический подход активно принимается во внимание в интегративных программах.

⁴ Varela F.J., Thompson E., Rosch E. *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge (MA), 1991.

⁵ Следует упомянуть и более ранние попытки примирения натурализма и феноменологии. К примеру, «феноменология жизни» Х. Йонаса развивает «экзистенциальную интерпретацию биологических фактов» в работе 1966 г. «The Phenomenon of Life: Toward a Philosophical Biology».

Сходная идея была высказана в книге Д. Захави и Ш. Галлагера «Феноменологическое сознание: введение в философию сознания и когнитивные науки»⁶. Согласно мнению этих авторов, не только феноменология может претендовать на то, чтобы иметь дело с «самим сознанием». К сознанию может обращаться и наука. Когда нейронауки или когнитивные дисциплины изучают работу мозга или мышления, они неизбежно сталкиваются с сознанием, т.е. в каком-то смысле сталкиваются с феноменологической стороной дела. В свою очередь, и количественные методы могут быть применены за пределами естествознания. В частности, описание феноменологического опыта не исключает его формализацию с помощью математических и других алгоритмизирующих моделей. Сторонники данной программы резонно указывают на тезис о невозможности полностью исключить субъекта (перспективу от первого лица) из исследований деятельности мозга. Однако, вопреки сугубо философской постановке вопроса о редуцируемости или нередуцируемости сознания, сторонники данной программы указывают на конкретные способы работы, которые могут иметь вполне научно релевантное когнитивное приращение. Речь идет о том, что, решая определенные задачи, связанные с психикой, число которых весьма обширно, мы можем применять феноменологическую методологию, более того, без нее решение этих задач окажется невозможным.

Таким образом, сторонники данной программы подводят теоретическую базу научной и философской легитимации под те области исследования, которые уже успешно реализуются в современной науке. Психология, в том числе экспериментальная, когнитивные науки или психиатрия по умолчанию практикуют то, что подлежит обоснованию в рамках программы синтеза феноменологии и натурализма. В частности, в данных науках феноменальное измерение не сбрасывается со счетов, но не исключает воздействие на субстратную (в психиатрии или медикаментозной психотерапии), реактивно-поведенческую (в психологии) или когнитивную основу данного измерения. Действительно, мы знаем так много о законах мышления, психологических закономерностях поведения индивидов, что с этим знанием приходится как-то считаться.

Поэтому данное направление во многом идет постфактум за практической реализацией, которая уже произошла в научной практике. Однако безусловно важная роль данного подхода заключается в философском обосновании релевантности подобной практики.

Самыми показательными и активно пропагандируемыми направлениями, представляющими модель интеграции натурализма и феноменологии, являются проект нейрофеноменологии Ф. Варелы, а также проект энантивистской феноменологии Ш. Галлагера. О них речь пойдет ниже.

3. Неизбежность перспективы от первого лица (First-person perspective)

Важным отправным пунктом проекта синтеза нейронаук и феноменологии является идея возвращения перспективы от первого лица в нейронауки и когнитивные дисциплины. Суть идеи синтеза заключается в двух взаимосвязанных положениях.

⁶ Gallagher S., Zahavi D. The Phenomenological Mind: An Introduction to Philosophy of Mind and Cognitive Science. N.Y., 2007.

Согласно первому, говорить о сознании невозможно без таких существенных аспектов, как качественность, приватность и феноменальность. Однако все эти атрибуты имеют смысл только в привязке к перспективе первого лица. Качественное, приватное и феноменальное есть то, что удерживается только в Я, поскольку они существенно приватны.

Согласно второму положению, любые нейрофизиологические исследования, равно как феноменологические описания, должны воздержаться от претензии на автономию объяснения сознания исключительно нейрофизиологическими или феноменологическими средствами. Следует объединить критерии научной объективности (перспективы от третьего лица) и способы описания феноменально проживаемого опыта со стороны приватной субъективности (перспективы от первого лица). Вся наука о сознании в принципе должна опираться на данные от первого лица, т.к. сама природа сознания состоит в том, чтобы быть приватной, быть перспективой от первого лица. Если угодно, сознание никогда не объект, но всегда субъект.

Следовательно, при работе с сознанием должен быть учтен аспект субъективности. Поскольку субъективное по определению не схватывается как объективное (даже если в ходе мысленного эксперимента предположить, что ментальный опыт перцепиента в ходе успешных нейрофизиологических операций становится достоянием ментального опыта исследователя, это будет означать, что у исследователя появился свой собственный приватный опыт), то приватное следует сохранить, отказавшись от претензий на редукцию. Как следствие, и нейрофизиологии, и феноменологии необходимо совместить усилия по сохранению перспективы от первого лица. Феноменология, в свою очередь, должна признать, что физические корреляты сознания есть реальность, к которой исследователь может подключиться, надеясь таким образом получить, по меньшей мере, косвенный доступ к сознанию. Следовательно, феноменология должна также учитывать этот опыт.

Принцип интерпретации сознания как опыта непосредственно связан с осознанием себя как Я. Наличные переживания всегда *мои*, всегда относятся к Я. Таким образом, опыт является качественным, а значит, онтологизируется через перспективу от первого лица. Однако в нейрофеноменологии Я также описывается и через физический опыт. Сопутствующее любому опыту и не схватываемое напрямую переживание Я воспринимается в первую очередь как формирование целостного синтеза разрозненных переживаний. Эту целостность можно также интерпретировать как продукт организации тела. Именно тело через ощущение целого соединяет воедино разрозненные переживания. Этот механизм в энантистической феноменологии и нейрофеноменологии толкуется как своего рода трансцендентально-телесный синтез апперцепций. Поэтому перспектива от первого лица (*first-person perspective*) трактуется в них как воплощенная самость. Эта самость интерпретируется как физическая субъективность, поскольку самосознание включает в себя физическое переживание своего сознания-в-теле. Переживание своего тела или себя в теле (себя по поводу тела) составляет неотъемлемую часть самой сознательности. Если этой востелесненной осознанности нет, то нет и самого сознания.

3.1. Нейрофеноменологическая методология Ф. Варелы и энактивистская методология Ш. Галлагера⁷

В энактивистском русле Ф. Варела предлагает т.н. принцип взаимных ограничений и дополнений. Согласно разработанному им принципу, данные нейроотчетов нужно попытаться вписать в ментальный опыт. Например, если нейроданные ментального образа сообщают об активации зон восприятия цвета, хотя перципиент не описывает его в цветовых терминах, то нужно попытаться получить более детальное его описание, а именно так, чтобы атрибут цветности там проявился. Или если феноменологический опыт описания объекта останавливается на нескольких параметрах, в том числе на параметре цветности, то можно пересмотреть описание в сторону большей абстракции, в которой цветовая составляющая окажется несущественной. С методологической точки зрения Варелой предлагается принцип, который предполагает взаимную дополнительность объяснительных и описательных стратегий.

С некоторой долей схематизации можно сказать, что нейрофеноменологический тип исследований строится по типу медицинского обследования, где наряду с объективными данными принимается также во внимание субъективный статус «ощущений» пациента, которые также учитываются в ходе диагностических процедур. Если мы не будем знать, как человек переживает то или иное объективное состояние, то, строго говоря, мы не вполне будем понимать, с чем имеем дело. Если мы не знаем, какое именно нейронное состояние человек называет болью, то мы реализуем не вполне целостное исследование.

Взаимные дополнения и ограничения должны привести к имманентному взаимопроникновению областей и их трансформации. Таким образом, в рамках разработанного в нейрофеноменологии метода предлагается включение субъективных самоотчетов в эмпирические исследования сознания. Обучение самоотчету должно строиться по образцу классических методов интроспекции. При этом обучение именно необходимо, т.к. «дать хороший отчет о том, что мы переживаем, – дело непростое. Если попросить дать такой отчет обычных испытуемых (привести их в лабораторию и спросить, какие эмоции они испытывают), они вряд ли смогут ответить. Человеку не дано быть экспертом собственного переживания»; «сам факт наличия переживания не дает достаточной квалификации для того, чтобы сделать хороший отчет о нем, точно так же как прогулка в саду не делает вас садовником или ботаником. Для этого нужно специальное обучение»⁸. Но методы «самоотчета», которые предлагает Варела, отличаются от классической интроспекции. Нужно ввести новую методологию, которая могла бы привести к социологической революции в науке. В отличие от классической интроспекции, нейрофеноменологическая методология «самоотчетов» не наследует западноевропейской психологии восприятия. Ориентиром для нее становится восточная (например, буддийская) традиция созерцания, которая, по мнению Варелы, является примером подлинной феноменологии. Эта традиция имеет преимущество

⁷ Нейрофеноменология продолжает и развивает энактивизм, и мы выделяем эти два подхода в порядке перечисления, скорее в связи с названиями теорий, принадлежащих авторству Ф. Варелы и Ш. Галлагера.

⁸ Varela F. The View from Within: First-Person Methodologies in the Study of Consciousness. L., 2005. P. 225.

перед западными техниками, т.к. на Западе долгое время расщепляли сознание и тело, чтобы потом прийти к идее интеграции, в то время как на Востоке даже не пытались это делать.

В свою очередь, знактивистский синтез феноменального и телесного у Галлагера⁹ может быть пояснен посредством связи двух групп состояний. Первая группа включает в себя феноменальные аспекты структуры опыта, а именно относительно регулярные и постоянные особенности, которые мы находим в содержании нашего опыта и которые существуют в постоянной отсылке к собственному телу. Согласно Галлагеру, даже если это сугубо фоновое состояние, то оно представляет собой фундаментальную часть феноменальной области сознания, которая может влиять на все другие аспекты опыта. Вторая группа касается тех аспектов структуры опыта, которые являются более скрытыми и которые могут быть более трудными для понимания, поскольку они возникают до того, как мы узнаем об этом. Обычно они явно не входят в содержание опыта и недоступны для рефлексивного сознания, но могут быть доступны нейроисследователю, как в случае с экспериментами Либета, в которых нейроученый, на основе данных физиологической активности мозга, может узнавать о побуждениях реципиентов за несколько секунд раньше, чем они сами. Две этих группы состояний в совокупности указывают на представленность сознания в теле и телесное воплощение в сознании. Если обратиться к методологии, то в целом Галлагер более осторожен в выборе средств построения синтетических практик¹⁰ и избегает формулировать свои задачи в терминах программы или систематического учения. Скорее он предлагает экспертные дополнения, которыми феноменологи могли бы оснастить количественные исследования сознания. Эти инструментальные добавления должны входить в состав конкретных нейронаучных исследований – экспериментов и тестов. При этом их роль существенно важна, т.к. без них тот или иной когнитивный или нейронаучный эксперимент не получит должного эвристического наполнения¹¹. В ходе экспериментов феноменальное состояние испытуемого необходимо учитывать для того, чтобы интерпретировать данные количественных исследований. Хорошим примером такой инкорпорированности могут служить вполне классические эксперименты, тестирующие свободу выбора. Таковы известные эксперименты Либета¹², согласно которым ход выполнения определенных решений человека можно предсказывать заранее исходя из данных осциллографа. Сам дизайн либетовского эксперимента включает в себя феноменологические данные. Действие испытуемого можно представить суммой трех фаз: фазой неосознанной инициации движения в нейронных сетях головного мозга, фазой осознания принятого решения и фазой непосредственной физиологической реализации самого мускульного движения.

⁹ Несмотря на то что позиция Галлагера выражена не столь программно, как позиция Варелы, мы обращаемся к его методологии в качестве еще одной иллюстрации идеи интеграции в современных теориях субъекта.

¹⁰ *Мирошниченко М.Д.* Феноменологизация или натурализация? Между философией и когнитивной наукой // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2019. Т. 56. № 1. С. 65–80.

¹¹ *Gallagher S.* Mutual Enlightenment: Recent Phenomenology in Cognitive Science // *Journal of Consciousness Studies.* 1997. Vol. 4. No. 3. P. 195–214.

¹² *Libet B.* Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action // *The Behavioral and Brain Sciences.* 1985. Vol. 8. P. 529–566.

Чтобы эксперимент состоялся, испытуемый должен осознавать собственные состояния и, как только у него появится желание поднять палец, зафиксировать этот момент в памяти (запомнить, где в этот момент находилась стрелка циферблата). Эксперименты Либета построены на достаточно сложном включении обратной связи. В частности, когда испытуемые решают, когда поднять палец, то их решения находятся в психологической зависимости от указаний экспериментатора. Один из комментаторов эксперимента, К. Фриг, пишет: «Каждый из испытуемых интуитивно знал, что доктор Либет не будет доволен, если, скажем, за полчаса испытуемый ни разу не поднимет палец, “потому что желание так и не возникло”. Чтобы выполнить то, что от них хотел доктор Либет, испытуемые должны были сами дать себе указание действовать примерно так: “Я буду поднимать палец каждый раз через разные промежутки времени, чтобы экспериментатор не мог легко предсказать, когда я в следующий раз это сделаю”. Они играли с экспериментатором в сложную игру»¹³.

Итак, принцип подобных экспериментов состоит в том, что для описания наложения «права вето» или т.н. негативной свободы воли нужно принимать во внимание феноменологический аспект – способность самого перцепиента отличить побуждение (желание) от решения или спонтанность поступка от свободного выбора.

4. Есть ли в нейрофеноменологии и энактивизме первое лицо

Рассмотрим те основания, по которым нейрофеноменология и энактивизм считают себя феноменологическими подходами.

Итак, самое первое и ключевое положение их программы – восприятие сознания всерьез и невозможность игнорировать его качественность и приватность. В совокупности эти аспекты указывают на реальность перспективы от первого лица (first person access). Благодаря подчеркиванию реальности этого измерения, нейрофеноменология заявляет о себе как программе феноменологии.

Вторым ключевым аспектом является критика дуалистичности как онтологического, так и эпистемологического происхождения. Эта критика опирается на высказанную уже Гуссерлем критику дуализма как предпосылки непродуктивной специализации наук, в частности выделения натуралистической психологии. Согласно Гуссерлю, для дуализма проблемы сознания остаются «непостижимыми»¹⁴. Соответственно, рассмотренные выше подходы подразумевают циклическую модель универсума, в котором нет разделения на внутреннее и внешнее. Процесс познания в этом случае устроен как рекурсивный процесс, в котором происходит самоорганизующееся конституирование наблюдателя. В ходе этого процесса выстраивается описание воспринимаемого мира, порождающего в свою очередь самого наблюдателя. Элементы взаимодействия определяются друг другом и не предшествуют самой связи. В энактивизме ни наблюдатель, ни наблюдаемое

¹³ Фриг К. Мозг и душа. Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. СПб., 2010. С. 25–26.

¹⁴ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию. СПб., 1997. С. 11.

не обладают онтологической автономией, но имеет место холистическое первенство связности их взаимного удержания¹⁵.

Наконец, частичный отказ от объяснительной стратегии в пользу описательной¹⁶ также является доводом к самоопределению этих программ как феноменологических. Если традиционная феноменология вовсе не приемлет научную методологию для работы с сознанием, то нейрофеноменология если и не полностью отказывается от объяснительной методологии, то показывает ее границы. Нейрофеноменология готова отказаться от эмпирического подхода к сознанию, который в принципе ставит перед собой неверную задачу, пытаясь найти и объяснить сознание в рамках философски ограниченной структуры естественных наук. В русле критики объяснительной стратегии нейрофеноменология указывает на то, что поиск решения каузального влияния сознания на тело (и наоборот) является псевдопроблемой. Некоторые из теоретиков энактивизма и нейрофеноменологии, в частности Варела и Томпсон нередко заявляют, что не занимаются прицельной критикой наивной нейробиологии в силу несерьезности ее философских притязаний¹⁷.

Теперь, после рассмотрения доводов в пользу феноменологического самоопределения рассматриваемых подходов, попробуем показать некоторые отличия между данными подходами и традиционной феноменологией.

4.1. Двусмысленность установок

Теоретики нейрофеноменологии и энактивизма рассматривают захваченность сознания телесностью как физический факт, в то время как он остается феноменальным. Сознание есть всегда сознание в теле, но, несмотря на направленность-сознания-на-тело, эта направленность сохраняет свое феноменологическое происхождение. Классическая феноменология, разумеется, отдавала себе отчет в том, что телесность осознаётся существенным образом, но толковала это обстоятельство изнутри самого сознания, не переключая установки с феноменологической на натуралистическую¹⁸. Напротив, в указанных подходах совершается некое подобие переключения: сознание всегда осознаёт свое пребывание в теле, следовательно, телесное должно быть постулировано. Здесь телесное удостоверяется извне, в то время как при сохранении внутренней перспективы мы должны были бы лишь сказать, что сознание осознаёт свою телесность. В рассмотренных подходах происходит отождествление тела как физического объекта с его (тела) феноменальным образом. Аргумент выглядит несколько неловко – фактически тело как внешний объект дедуцируется из одной лишь идеи феноменального образа тела. Если от идеи образа тела нельзя отделить сознание, это еще не означает, что этот образ является аналогом того физического тела, которое, возможно, порождает сознание, или как минимум существует внешним

¹⁵ Maturana H.R., Varela F.J. *Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living*. Dordrecht; Boston, 1980. P. 4–9.

¹⁶ Gallagher S. Complexities in the First-Person Perspective // *Research in Phenomenology*. 2002. Vol. 32. No. 1. P. 238–248.

¹⁷ Thompson E., Varela F.J. Radical embodiment: Neural dynamics and consciousness // *Trends in Cognitive Sciences*. 2001. Vol. 5. P. 418–425.

¹⁸ В «Кризисе» Гуссерль пишет, что сознания нет вне «живого тела» (Leib), однако данный тезис далек от того, чтобы опираться на данные нейронаук.

для сознания образом. Физическое тело и его корреляты в сознании – не одно и то же. Тогда энактивация в теле, которую мы переживаем как свое феноменальное состояние, есть продукт, основанный на внутренней работе сознания. У нас нет прямого доступа к телу как физическому объекту точно так же, как и ко всем остальным физическим объектам. Тело, действительно, дано в сознании, а сознание воспринимает тело, но в данную модель циклического соотношения нужно добавить то, что тело является феноменом. А значит, из данной модели нельзя вывести вовлеченность сознания в физически реальное тело.

Понятия моторики и прокладывания границ, весьма существенные для нейрофеноменологии и энактивизма, активно используют идею пространственности, призванную всерьез «воплотить» сознание в протяженное тело, равно как объявить определенность тела результатом осознанности. В каком-то смысле здесь совершается ход, подобный кантовской трактовке пространства. Конститутивный для сознания внутренний опыт протекания времени возможен лишь на основе отличия от внешней устойчивости пространства. Поэтому без внешнего мира и внешних вещей (в данном случае тела) сознание о себе узнать не может. Опыт внешнего должен входить в опыт внутреннего. Однако кантовская трактовка, полагающая пространство априорной формой чувственности, далека от того, чтобы дедуцировать сознание из внешнего мира, за счет того, что внешний мир всегда уже дан в сознании. У Канта читаем: «Внешние предметы (тела) суть лишь явления, стало быть, они не что иное, как вид моих представлений, предметы которых составляют нечто только благодаря этим представлениям, а отдельно от них они ничто; пространство же и время находятся только в нас»¹⁹.

Между тем теория воплощенного сознания не уточняет, идет ли речь о пространстве внутри феноменального сознания или о предположительной пространственности внешних физических коррелятов сознания. И столь же двусмысленным выглядит отождествление чувства пространства как внешнего, но сохраняющегося в пределах представления и того пространства, которое предположительно лежит за пределами представлений. Применяя терминологию Гуссерля, можно сказать, что при знакомстве с теорией воплощенного сознания у нас возникает некоторое замешательство в отношении того, как используются естественная и феноменологическая (трансцендентальная) установки. Они то отождествляются, то накладываются друг на друга, то нам предлагается их неоговоренное переключение. Между тем у Гуссерля специально оговаривается несоизмеримость данных установок²⁰, равно как возникновение принципиально разнящихся онтологий в зависимости от того, какая из установок будет применена в качестве фундаментального условия. Так, когда мы отождествляем феноменальный образ тела в сознании с самим телом, то явно совершаем переключение с феноменальной установки на натуралистическую, но никак это не фиксируем. Энактивистский подход отождествляет физическое тело с его феноменальным образом на не вполне проясненных основаниях. На основании собственного сознания мы идем к миру, но потом переключаем рычаг с феноменологической установки на естественную и уже пытаемся идти из мира к самому сознанию.

¹⁹ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 223–224.

²⁰ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. I. М., 2009. С. 79, § 63.

Еще более любопытно, что в рассмотренных нами нейрофеноменологии и энактивизме исследование вовсе не начинается с сознания, как это предписывает классическая феноменология. Напротив, рассуждение начинается со сторонних позиций, из перспективы третьего лица или натуралистической установки. Именно поэтому сознание ищется в мире как организм посреди прочих организмов. Однако всегда можно возразить, что воплощенность, которую мы непосредственно ощущаем в своем переживании, – это воплощенность, основанная на феноменальном образе тела. Тривиальные положения феноменологии учат нас, что непосредственно ощущать внешние объекты не представляется возможным, вернее, нет никаких гарантий, что именно это с нами и происходит, когда нам так представляется. Отношения между чувством феноменальной воплощенности и собственно биологическим телом не могут быть прозрачными, подтверждением чему служат даже не философские, а эмпирические примеры из области когнитивных наук, а именно эпизоды телесных иллюзий и галлюцинаций (фантомные ощущения, соматопарафрения, сновидения и т.д.)²¹.

Энактивизм начинает со здоровой интуиции о том, что образ мозга, к которому мы относимся как к внешнему (трансцендентному) объекту, существует в самом сознании. Однако после этого введения обе теории всё больше склоняются к натурализации описания, рассуждая о сознании «извне». Именно такая диспозиция позволяет говорить о сознании как об оформленном теле, сознающем и осознаваемом организме. Для всего этого необходимо совершить выход вовне. Но именно это и запрещается, как правило, феноменологией.

Наряду с этими можно обнаружить и другие нестыковки в центральной линии аргументации нейрофеноменологии и энактивизма. Однако я хотела бы остановиться на одном наиболее существенном, как мне кажется, аспекте, который позволит более определенно показать скорее натуралистический, чем феноменологический акцент этих подходов.

4.2. Трансцендентальное измерение перспективы от первого лица

Речь пойдет о таком аспекте феноменологии, который стоит назвать, собственно, трансцендентальным.

Что показательно, сами теоретики синтетических программ натурализма и феноменологии довольно редко обращаются к этому термину. В каком смысле мы намерены его использовать? Согласно известному определению Канта, трансцендентальным является «познание, занимающееся не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов...»²². Эта основополагающая формулировка фиксирует первое правило трансцендентализма – нельзя не принимать во внимание условия возможности того опыта, который мы имеем. Познание должно начинаться не с вещей, а с условий возможности данности этих вещей. «Принятие во внимание» этих установок будет означать, как минимум, режим одновременного присутствия

²¹ Zahavi D. Phenomenology and the Project of Naturalization // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2004. Vol. 3. P. 331–347.

²² Кант И. Критика чистого разума. С. 121.

установок и их продуктов в мире²³. Этот тезис, присутствующий в различных направлениях традиционной феноменологии, оговаривает, что сам опыт сознания не может быть натурализован в мире так же, как в нем натурализованы прочие вещи. Данный принцип мы и назовем трансцендентальным. Что будет означать этот принцип для перспективы от первого лица, будет ли она присутствовать в мире и на каких правах может быть связана с жизнью организма?

Итак, трансцендентальная позиция предполагает, что данное нам есть результат или следствие некоторых условий, которые не даны. Они не могут быть даны внутри того, что с их помощью дается. Если опыт от первого лица открывает для себя этот мир, то само оно в этот мир не попадает. Как минимум это означает, что если мы не намерены сбрасывать феноменологию со счетов, то не можем начинать разговор о субъективном с внешнего мира, с мира вещей, тел и организмов. В противном случае это будет означать, что мы уже перешагнули сознание. Классическая интуиция феноменологии постулирует, что мы можем что-либо обнаружить только с помощью самого сознания. Оно является тем начальным шагом, отступить далее которого невозможно. Если мы обнаруживаем в мире вещи, мы знаем, что до вещей мы нашли в мире сознание.

Но также это будет означать, что перспектива от первого лица не может быть частью наблюдаемого мира, как бы мы ни отождествляли мир и сознание. Даже в случае возникающей в интенциональном акте сонаправленности сознания и мира данная целостность будет системным образом включать в себя точку непрозрачности. Принцип трансцендентальности определяется этой удивительной и вместе с тем очень простой диспозицией: сама природа наблюдения состоит в том, чтобы систематически упускать из поля наблюдения точку наблюдения. Наблюдение, формирующее картину, не является частью картины. Но наблюдение присутствует в картине как то, без чего эта картина не была бы возможна. Существование ненаблюдаемого определяется существованием наблюдателя. Если есть наблюдатель, то ненаблюдаемое обязательно должно существовать. Система всегда неполна, если только пытается постичь себя (свое устройство) собственными же средствами²⁴. Этот принцип ненаблюдаемости, структурно встроенный в само наблюдение, можно назвать трансцендентальным по своей природе. Точка выпадения из поля наблюдения есть условие возможности самого наблюдения. Радикальная необъективируемость (ненаблюдаемость) того, что позволяет объективировать (сделать наблюдаемым) в традиционной философии трансцендентализма, обозначается, как правило, неэмпирическим (внеопытным) условием возможности опыта. Условия, порождающие опыт, сами не есть часть опыта. В этом смысле различного рода монистические системы (к которым относятся и интегративные программы) могут устранить трансцендентность (например, дуальность внешнего и внутреннего), но не в состоянии отменить трансцендентальность всей конструкции – то, благодаря чему реальность становится наблюдаемой, само по себе не является частью наблюдаемой реальности.

²³ Стоит, конечно, отметить, что у самого Гуссерля неодновременность трансцендентальных условий и их эмпирических продуктов снимается в пользу интенциональности сознания. Однако, как мы полагаем, это положение не отменяет ошибки описания сознания «вне» самого сознания.

²⁴ *Luhmann N. The paradox of observing systems // Cultura Critique. 1995. Vol. 31. P. 37–55.*

Типичная для натурализма попытка как каузального, так и коррелятивного восстановления начальных условий сознания содержит в себе уже в скрытом виде сами эти начальные условия. Феноменология утверждает, что опередить само сознание, поставив себя впереди него, нельзя. В частности, как показывает Д. Менш, объяснение трансцендентального субъекта с помощью эмпирического невозможно в силу очевидного «переворачивания» – понятие эмпирического субъекта сконструировано трансцендентальным, но не наоборот (Менш прибегает также к «калькуляторной метафоре»: устройство калькулятора есть подобие эмпирического субъекта, в то время как математические законы, в соответствии с которыми калькулятор работает, являются аналогом трансцендентального субъекта)²⁵.

Положение нас, носителей перспективы от первого лица, по отношению к самой перспективе парадоксально – к ней нельзя отнестись, поскольку от нее нельзя «отмыслиться». Феноменологическая критика натурализма традиционно выступает против объективации сознания, в то время как натуралистический подтекст нейрофеноменологии скорее предполагает такую возможность.

Однако трансцендентальный принцип предполагает эпистемическую асимметрию наблюдаемого и ненаблюдаемого. Энактивизм и нейрофеноменология пытаются устранить асимметрию, включив в научное исследование отчеты самих испытуемых, т.е., по сути, включить перспективу от первого лица в научное исследование. Но не вполне понятно, как это поможет решить проблему, поскольку возвращает нас к традиционным проблемам интроспекции – вовлеченное в минимальную объективацию, Я будет дано себе в режиме перспективы от третьего лица.

Можно привести и другие примеры того, как сам опыт строится при условии выпадения образующих условий этого опыта. Если рассмотреть некоторые аспекты научения, то можно будет заметить, что навык, который всегда берется из опыта, строится как систематическое упущение из виду начальных условий формирования этого навыка. Возьмем любое действие. Допустим, нам нужно научиться закрывать ключом определенную дверь, и у нас не сразу это получается. После многократных неудачных попыток мы преуспеваем. Можно ли четко описать, что произошло, после чего мы обрели навык? Если очень внимательно реконструировать весь процесс, то можно будет заметить, что в точке, где, собственно, возник новый навык, наблюдение не производилось. Мы попросту не знаем, что с нами произошло, после чего мы научились что-то делать. Дан ли нам наш опыт как прозрачный и непрерывный? Не идет ли речь о том, что мы заходим в ситуацию с феноменальным опытом необученности, но, выходя из него со сформированным навыком, затрудняясь при этом описать промежуточный телесный опыт самого момента появления навыка? Пространство образующегося навыка мы не всегда можем заполнить описанием опыта и представить как часть непрерывного самомониторинга. Еще один хороший пример – распознавание образов, навык, который, по-видимому, не является для нас прозрачным. Распознавание образов, выполненное человеком, не имеет переборного вида, поскольку, как правило, не строится за счет большой библиотеки начальных образов. Но как оно в действительности происходит? Можем ли

²⁵ Менш Д. К вопросу о натурализации феноменологии // Ежегодник по феноменологической философии. Вып. 2. М., 2010. С. 302–316.

мы в точности установить, какие черты фиксируем у группы объектов, чтобы потом успешно сличить новый объект как принадлежащий группе объектов? Зачастую этот опыт дан как непрозрачный именно в точке выделения признаков сходства.

Таким образом, если мы соглашаемся с тем, что субъективный опыт будет систематически ускользать из описаний, стремящихся к формированию однородного поля наблюдения, то мы рискуем в принципе не иметь возможности создать теорию сознания. Любая попытка «воспроизвести» трансцендентальный опыт строится как попытка представить результаты процесса (прошедшего «до» и «в обход» всякой экспликации) за сам процесс.

Принимаются ли во внимание эти соображения в энактивизме и нейрофеноменологии? Как кажется, не вполне. Позиция обоих подходов больше напоминает попытку объявить сознание еще одним фундаментальным законом Вселенной. Ключевым в этой позиции является то, что Вселенная как нечто проявленное и состоящее из объектов и отношений между ними может и должна вместить в себя еще один объект, уникальный и удивительный, объект-сознание. В свою очередь, феноменология сознания должна заключаться в том, чтобы сохранить особую несводимую к физике автономию сознания. Но саму эту автономию следует поместить в мир – мир природы, единственный и окончательный.

Собственно, феноменологическая альтернатива такому подходу будет состоять в идее внеприродности, «неестественности» сознания. Самым главным в этой альтернативе является тезис о проблемности объективирующего подхода к сознанию, систематически упускающего из виду собственно трансцендентальный характер всякой феноменологии.

Заключение

В настоящей статье мы рассмотрели истоки, логику и перспективы одного из самых амбициозных проектов современной философии – синтеза феноменологии и натурализма. Была рассмотрена задача этого синтеза – добиться конвергенции естественно-научной методологии с феноменологической. Мы постарались показать, что современные интегративные проекты феноменологии и натурализма можно охарактеризовать как субъективизм, но внетрансценденталистского происхождения. Это связано со смешением натуралистических и феноменологических установок знания и утратой представления о собственно трансцендентальной природе подлинной феноменологии.

Однако, несмотря на определенную теоретическую неясность, проект синтеза натурализма и феноменологии способствует весьма продуктивному пересмотру традиционных подходов к пониманию сознания. Этот проект способствует тому, чтобы обе дисциплины не замыкались в узком кругу, но были открыты к диалогу, что важно, как нам кажется, в научно-социальном плане. Он предложил новые и важные направления исследований в науке о сознании и на новых основаниях привлек внимание к нередуцируемости перспективы от первого лица.

Что касается оценки релевантности интегративных начинаний, то, если воздерживаться от общеполитических тематизаций, связанных с природой сознания, программы действительно могут оказаться совместимыми в части

своих практических воплощений и реализаций. Другое дело, что для феноменологии этот синтез будет означать некоторое переформулирование целей и задач, т.к. традиционно ее интересуют инварианты собственно трансцендентального сознания, если угодно философский аспект сознания, а не только узкоприкладной, где речь идет скорее о психологическом, эмпирическом сознании, от которого феноменология, как правило, отвлекается.

Однако, в конечном плане, изменение ключевых положений феноменологии при вхождении в союз с естественно-научными исследованиями не является фатальным для нее. Даже если от феноменологии берется лишь идея нередуцируемости перспективы от первого лица, синтез с ней может оказаться вполне продуктивным и полезным. Кроме того, социальный аспект этого союза актуален скорее для феноменологии, т.к. если в проведении естественно-научных исследований нет никакой нехватки, то феноменология в своем классическом исполнении нередко оценивается с позиций историко-архивной ценности. Но бурное и многообещающее развитие рассмотренных нами подходов недвусмысленно свидетельствует о том, что подобные оценки несерьезны.

В подтверждение сказанному завершить настоящее исследование можно словами Сперроу, которого мы уже цитировали в начале статьи. В отношении синтеза феноменологии и натурализма он высказался следующим образом: «При любой раскладке мы не можем сказать, оправдан ли такой “брак” методологически или нет. Мы можем только заметить, что распространение этих усилий свидетельствует, вопреки тем, кто готовится отпевать феноменологию, о том, каким здоровьем отмечено современное феноменологическое исследование. Не говоря уже о том, что в феноменологии работает много людей и они не собираются сдаваться или утешаться “перед смертью”»²⁶.

Список литературы

- Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / Пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2004. 400 с.
- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. I / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.
- Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994. 502 с.
- Мени Д. К вопросу о натурализации феноменологии / Пер. с англ. М.А. Белоусова // Ежегодник по феноменологической философии. Вып. 2. М.: РГГУ, 2010. С. 302–316.
- Мирошниченко М.Д. Феноменологизация или натурализация? Между философией и когнитивной наукой // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2019. Т. 56. № 1. С. 65–80.
- Сперроу Т. Дальше от феноменологии, ближе к эстетике / Пер. с англ. // Электронный журнал «Гэфтер». URL: <http://gefeter.ru/archive/14658> (дата обращения: 10.03.2019).
- Фрит К. Мозг и душа. Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / Пер. с англ. П. Петрова. СПб.: Астрель, 2010. 344 с.
- Gallagher S. Mutual Enlightenment: Recent Phenomenology in Cognitive Science // *Journal of Consciousness Studies*. 1997. Vol. 4. No. 3. P. 195–214.
- Gallagher S. Complexities in the First-Person Perspective // *Research in Phenomenology*. 2002. Vol. 32. No. 1. P. 238–248.

²⁶ Сперроу Т. Дальше от феноменологии, ближе к эстетике // Электронный журнал «Гэфтер». URL: <http://gefeter.ru/archive/14658> (дата обращения: 10.03.2019).

- Gallagher S., Zahavi D. *The Phenomenological Mind: An Introduction to Philosophy of Mind and Cognitive Science*. N.Y.: Routledge, 2007. 244 p.
- Libet B. Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action // *The Behavioral and Brain Sciences*. 1985. Vol. 8. P. 529–566.
- Luhmann N. The paradox of observing systems // *Cultura Critique*. 1995. Vol. 31. P. 37–55.
- Maturana H.R., Varela F.J. *Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living*. Dordrecht; Boston: D. Reidel Pub., 1980. 141 p.
- Sparrow T. *The End of Phenomenology: Metaphysics and the New Realism*. Edinburgh: Edinburgh University, 2014. 197 p.
- Thompson E., Varela F.J. Radical embodiment: Neural dynamics and consciousness // *Trends in Cognitive Sciences*. 2001. Vol. 5. P. 418–425.
- Varela F. *The View from Within: First-Person Methodologies in the Study of Consciousness*. L.: Imprint Academic, 2005. 225 p.
- Varela F.J., Thompson E., Rosch E. *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge (MA): MIT Press, 1991. 321 p.
- Zahavi D. Phenomenology and the Project of Naturalization // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2004. Vol. 3. P. 331–347.

Phenomenology without a transcendental subject: Neurophenomenology and enactivism in search of a first-person perspective*

Diana E. Gasparyan

National Research University “Higher School of Economics”. 20 Myasnitckaya Str., Moscow, 101001, Russian Federation; e-mail: anaid6@yandex.ru

The article discusses one of the most rapidly developing projects of modern philosophy, namely, the integration project of phenomenology and naturalism. The article highlights the first-person perspective as instrumental for such integration. The author outlines two key directions: neurophenomenology (F. Varela) and enactivism (S. Gallagher). Explanations are given on how exactly the first-person perspective is going to be included in the cognitive research of science. The article examines the methodology of the project, in particular, whether it is based on the methods of the classical phenomenology of E. Husserl or on the understanding of phenomenology in analytical philosophy of consciousness. The feasibility of the integrated methodology is discussed. The author expresses doubts whether the actual implementation of the project is going to comply with its phenomenological program. It is argued that we observe a certain obscurity in the use of natural and transcendental attitudes, the difficulty of interpreting the “external” and “internal”, the ambiguity of deduction of the body from the “bodily experience”, etc. Special attention is given to the idea of transcendental first-person perspective and non-representation of the first person in the world.

Keywords: phenomenology, neurophenomenology, enactivism, transcendentalism, philosophy of consciousness, cognitive sciences, subject, first-person philosophy, first-person perspective

For citation: Gasparyan, D.E. “Fenomenologiya bez transsentsental’nogo sub”ekta: neurofenomenologiya i enaktivizm v poiskakh perspektivy ot pervogo litsa” [Phenomenology without a transcendental subject: neurophenomenology and enactivism in search of a first-person perspective], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2020, Vol. 13, No. 1, pp. 80–96. (In Russian)

* The work has been supported by the research grant No. 18-01-003 as part of the Program “Scientific Fund of the National Research University ‘Higher School of Economics’ (NRU HSE) in 2018–2019 and Program ‘5-100’”.

References

- Frith, C. *Mozg i dusha. Kak nervnaya deyatelnost formiruyet nash vnutrenniy mir* [Making Up the Mind: How the Brain Creates Our Mental World], trans. by P. Petrov. St. Petersburg: Astrel Publ., 2010. 344 pp. (In Russian)
- Gallagher, S. "Mutual Enlightenment: Recent Phenomenology in Cognitive Science", *Journal of Consciousness Studies*, 1997, Vol. 4, No. 3, pp. 195–214.
- Gallagher, S. "Complexities in the First-Person Perspective", *Research in Phenomenology*, 2002, Vol. 32, No. 1, pp. 238–248.
- Gallagher, S. & Zahavi, D. *The Phenomenological Mind: An Introduction to Philosophy of Mind and Cognitive Science*. New York: Routledge, 2007. 244 pp.
- Husserl, E. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy], Book I, trans. by A.V. Mikhailov. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2009. 486 pp. (In Russian)
- Husserl, E. *Krisis evropeiskih nauk i transcendentalnaya fenomenologiya: Vvedeniye v fenomenologicheskuyu filosofiyu* [Crisis of European sciences and transcendental phenomenology: Introduction to phenomenological philosophy], trans. by D.V. Sklyadnev. St. Petersburg: Vladimir Dal Publ., 2004. 400 pp. (In Russian)
- Kant, I. *Kritika chistogo razuma* [Kritik der reinen Vernunft], trans. by N. Losskii. Moscow: 1994. 784 pp. (In Russian)
- Libet, B. "Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action", *The Behavioral and Brain Sciences*, 1985, Vol. 8, pp. 529–566.
- Luhmann, N. "The paradox of observing systems", *Cultura Critique*, 1995, Vol. 31, pp. 37–55.
- Maturana, H.R. & Varela, F.J. *Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living*. Dordrecht; Boston: D. Reidel Pub., 1980. 141 pp.
- Mensh, D. "K voprosu o naturalizacii fenomenologii" [Toward the question of naturalization of phenomenology], *Ezhegodnik po fenomenologicheskoy filosofii*, Vol. 2. Moscow: RGGU Publ., 2010, pp. 302–316. (In Russian)
- Miroshnichenko, M.D. "Fenomenologizatsiya ili naturalizatsiya? Mezhdru filosofiyey i kognitivnoy naukoj" [Phenomenalization or naturalization? Between philosophy and cognitive science], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2018, Vol. 56, No. 1, pp. 144–159. (In Russian)
- Sparrow, T. *The End of Phenomenology: Metaphysics and the New Realism*. Edinburgh: Edinburgh University, 2014. 197 pp.
- Sparrow, T. "Dalshe ot fenomenologii, blizhe k estetike" [Farther from phenomenology, closer to aesthetics], *GEFTER* [<http://gefeter.ru/archive/14658>, accessed on 10.03.2019]. (In Russian)
- Thompson, E. & Varela, F.J. "Radical embodiment: Neural dynamics and consciousness", *Trends in Cognitive Sciences*, 2001, Vol. 5, pp. 418–425.
- Varela, F. *The View from Within: First-Person Methodologies in the Study of Consciousness*. London: Imprint Academic, 2005. 225 pp.
- Varela, F.J., Thompson, E. & Rosch, E. *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, MA: MIT Press, 1991. 321 pp.
- Zahavi, D. "Phenomenology and the Project of Naturalization", *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 2004, Vol. 3, pp. 331–347.